

Воспоминания

В КОНЦЕ августа 1900 года Горький с семьей по окончании дачной жизни в с. Мануйловке возвращался в Нижний, но по дороге решил завернуть в Москву.

— Там начинается новый театр! — говорил он мне: — Художественный! Замечательный театр, которому предстоит огромное будущее! Вот приедем, пойдем к ним на репетицию — поглядим! Талантливая там молодежь, чорт побери мою душу! Там есть, например, Москвин — мальчишка, двадцати трех лет, но так играет! Непременно надо поглядеть.

Только-что входивший в известность молодой, начинающий Художественный театр устраивал свои репетиции в так называемой «Романовке», около студенческих кварталов Тверского бульвара. Театр внутри еще отделывали плотники и столяры. На сцене шла репетиция. С Горьким почтительно и радостно встречались актеры.

Подошел высокий, стройный юноша с великолепными пепельными, густыми кудрями по плечи, с «благородным» лицом, заговоривший красивым, бархатистым, струнным баритоном — Качалов! Подбежал к нему совсем простецкий молодой человек с прямыми волосами, с московской физиономией и мягким говорком — Москвин.

— Где Немирович? — спрашивал Горький: — Мне бы его повидать...

— В конторе! — радуясь чему-то, отвечали все.

Мы пошли по закоулкам коридора.

— Тут есть у них певчий, Баранов! — на ходу говорил мне Горький. — Басище как из бочки — из ваших типов, вас надо с ним познакомиться: актер он на выходных ролях, но... а вот и он!.. Баранов, идите сюда!

Беседуя с Барановым, я с первых же слов убедился, что имею дело с малограмотным, наивным и вместе с тем самоуверенным человеком ограниченного ума, с тридцатилетним младенцем атлетического телосложения и огромным, могучим голосом, гудевшим, как труба.

На другой день Горький решил на несколько дней остаться в Москве; я поехал сначала в Самару, а потом по Волге в Нижний.

Еще в дороге из газет я узнал, что в Художественном театре на представлении пьесы Чехова у Горького произошло неприятное объяснение с публикой.

Дело изображалось так:

Шла пьеса Чехова «Дядя Ваня». В директорской ложе присутствовал сам автор и вместе с ним Горький.

Когда публике стало известно, что сидевший с Чеховым длинноволосый человек в суконной блузе не кто иной, как знаменитый Горький, — она стала выражать восторг от охвативших ее чувств к модному писателю, возбуждавшему прежде всего любопытство.

В антракте толпа прихлынула к ложе, ворвалась туда и стала апло-

дировать с криками «браво, Горький!».

Писали, что Горький в грубых выражениях упрекал публику и даже «ругался».

На самом же деле все это было не так, как описывали некоторые газеты, писавшие понаслышке или с умыслом «дискредитировать» «зазнавшегося» писателя.

Из письма присутствовавшего на спектакле писателя Телешова, напечатанного в московской газете «Курьер» 17 ноября 1900 года, видно, что в этот вечер шла пьеса Чехова «Чайка», а не «Дядя Ваня», что Чехов во время спектакля находился за кулисами и выходил только на сцену по вызову публики, а Горький сидел с двумя друзьями в директорской ложе и в антрактах поспешно уходил в закрытую для посторонних гостиную при ложе. После второго действия, когда публика несколько раз вызывала на сцену Чехова, некоторая часть публики устремилась к гостинице и начала выражать желание видеть Горького. Возгласы за дверью становились все энергичнее, все настоятельнее. Наконец, дверь начали приотворять и даже заглядывать в комнату, выкрикивая: «Горького! Горького!».

Дверь наконец насильственно распахнули. Вместо овации получилось впечатление провокации или травли. Весь коридор был полон народа. Загремели аплодисменты. Горький решительно вышел из гостиницы в толпу и сказал буквально следующее:

— Что вам от меня нужно? Чего вы пришли смотреть на меня? Чего я вам — Венера Медицейская, балерина или утопленник? Нехорошо, господа! Вы ставите меня в неловкое

А. М. Горький, А. А. Треллев-Смирнов и Скиталец.
(Снимок сделан в 1901 году).

положение перед Антоном Павловичем: ведь идет его пьеса, а не моя, и притом такая прекрасная пьеса, и сам он находится в театре! Стыдно! Очень стыдно!

Эта речь была обращена не к публике театра, а только к той части ее, которая в течение двух антрактов шумела в коридоре, аплодировала, вызывала Горького на «чеховском» спектакле.

Так писал об этом писатель Телешов, очевидец происшествия.

Вернувшись в Нижний, Горький только отмахивался, не желая даже разговаривать о неприятном случае, и, засев на несколько дней в кабинете, чертыхаясь, написал по этому поводу великолепный памфлет «О писателе, который зазнался».

Потом засел за какую-то большую и серьезную работу.

Однажды вечером он увлек меня в кабинет, запер дверь и сказал:

— Я хочу почитать вам свою пьесу!

Пьеса называлась «Мещане», и, к моему удивлению, там был выведен певчий — бас, в ярких монологах исповедующий излюбленные идеи Горького. Тут я понял интерес знаменитого писателя к такому примитивному человеку, как певчий Баранов: именно его имел он в виду в качестве незаменного исполнителя этой выигрышной роли, для которой нужны были только импозантная фигура и громовый голос.

Постановку этой пьесы мы увидели в феврале 1901 года в Петербурге, где в ту зиму гастролировал Художественный театр.

В Петербурге первая постановка первой пьесы Горького ожидалась публикой с большим интересом и всеобщим волнением.

В городе назревала крупная политическая демонстрация по случаю отлучения Льва Толстого от церкви. Внезапный приезд Горького случайно совпал с этим событием, но сильно беспокоил жандармские сферы: к Горькому было отношение как к революционеру, имевшему огромное влияние на массы. Были приняты меры не только для предупреждения «беспорядков» в городе, но и в театре во время представления пьесы. Большого труда стоило руководителям театра отстоять постановку ее. Зато вместо билетеров поставлены были переодетые городовые и, кроме того, «на случай беспорядков в театре» спрятан был целый взвод городских под сценой. При таких предупредительных мерах состоялась постановка «Мещан» в чрезвычайно острый момент, в весьма накаленной атмосфере.

Дирекция прислала Горькому и мне билет в ложу и приглашение после спектакля на ужин и встречу с артистами в отдельном кабинете ресторана Палкина.

Автор пьесы тоже беспокоился за благополучный исход постановки. В театр пришла фешенебельная, чопорная публика премьеры, придворная аристократия, высшее чиновничье мещанство, которым никак не могли понравиться «Мещане». Пьеса была не в бровь, а в глаз слушателей. Особенно острое значение приобретали громовые речи Баранова. Пьеса была насыщена будирующим настроением, но все прошло благополучно.

В отдельном кабинете ресторана был накрыт стол на двадцать пять персон. Приглашенные быстро стеклись, наконец, приехал Горький вместе с Немировичем и Станиславским.

Но тут произошел довольно странный случай: швейцар отказался впустить на лестницу Горького, ссылаясь на то, что в таких костюмах, как у него, пускать «не велено». Позвали директора гостиницы, но и директор подтвердил, что, действительно, получено распоряжение градоначальства не допускать людей в простонародной одежде в отдельные кабинеты.

Мы всей толпой стояли в вестибюле и тиснетно старались убедить его, что находящийся среди нас человек в рабочей блузе есть не кто иной, как знаменитый писатель Горький. Директор сам это знал и только поэтому оказался неумолимым. Якобы из-за костюма Горького ужин не состоялся.

Когда через несколько дней, а именно 4 марта 1901 года, на Невском произошла грандиозная демонстрация и Невский «очищали» при помощи казачьих войск, стало известно, что правительство так боялось влияния Горького, что не допустило даже собрания актеров Художественного театра с его участием.

13 июня 1937 г. Москва.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ВЕЧЕРНЕЙ МОСКВЫ» ВЫЙДЕТ 19 ИЮНЯ.